

УДК 39(=511.131)(470.57)

Р. Р. Садиков, Е. Тулуз

**МОЛИТВЫ–КУРИСЬКОН ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ:
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ, ТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ,
СОВРЕМЕННОЕ БЫТОВАНИЕ**

В статье с этнографических позиций рассмотрены молитвы – *куриськон* закамских удмуртов, проживающих в Республике Башкортостан и Пермском крае, сохраняя традиционные этнические религиозные верования и обряды; исследованы история их собирания, публикации и изучения, традиционные формы, бытование в советский период и в настоящее время. Показано, что эти тексты сохраняют сакральный статус, являясь одной из главных составляющих современной религиозной практики закамских удмуртов. Творчески перерабатываемые жрецами, они транслируются в письменной форме, в них отражаются жизненные реалии и хозяйственные заботы современных сельских удмуртов.

Ключевые слова: молитвы, традиционная религия, жрецы, удмурты, Республика Башкортостан, Пермский край.

Удмуртские народные молитвы – *куриськон* – словесные обращения к божествам, производимые во время ритуальных действий с целью достижения определенных профанных целей. *Куриськон* ‘молитва, моление’ – производное от *курон* ‘прошение, просьба, ходатайство’. Синоним этого термина – *воськыл* ‘молитва’, от *вось* ‘моление, жертвоприношение’ и *кыл* ‘слово’. Встречается также их наименование как *ялбариськон* – от диал. *ялбарыны* ‘умолять, убедительно просить’ (татарское заимствование: тат. *ялвару* ‘умолять, упрашивать’, ‘мольба’). Удмуртские *куриськоны* типологически близки к марийским *кумалтыш мут* [Марийцы 2013, 294], мордовским *озномат* (эрз.) и *озондомат* (мокш.) [Мокшин 1998, 122] и чувашским *кѣлѣ* [Салмин 2003, 85–95]. Несмотря на христианизацию, православные удмурты, за небольшим исключением, продолжали соблюдать многие старые языческие обряды. У них сложился языческо-христианский синкретический религиозно-обрядовый комплекс [Никитина 1993, 151–153]. Так как обряды «народной» удмуртской религии более всего отвечали чаяниям крестьян, то за соблюдением их неукоснительно наблюдала сельская община, и потому *куриськоны* продолжали свое широкое бытование, подтверждение чему – подавляющее большинство записей текстов этих молитв в кон. XIX – нач. XX в. осуществлено у крещеных удмуртов. В удмуртской культуре они продолжали играть свою изначальную роль вплоть до 1930-х гг., когда коллективизация сельского хозяйства разрушила сельскую общину – среду, в которой бытовали и воспроизводились аграрные религиозные обычаи и обряды.

У закамских удмуртов, проживающих ныне в Башкирии и Пермском крае, избежавших принудительного крещения, обряды и ритуалы традиционной религии сохранились до настоящего времени [Садиков 2011b, 5], это касается и народных молитв, которые не только сохраняются как сакральные тексты, но и продолжают свое развитие, модернизируясь и отражая современные реалии жизни удмуртов [Садиков 2011a, 132].

История изучения. В современном удмуртоведении молитвы-куриськон в той или иной степени рассмотрены с фольклористико-этнографических [Владыкин 1994, 290–312; Садиков 2011a], художественно-поэтических [Айтуганова 1986; 1992, 26–30] и музыковедческих [Насибуллин, Хрущева 1986; Хрущева 2001, 21–37] позиций. Проанализировавший удмуртские молитвы В. Е. Владыкин выявил, что у них строгое каноническое построение и состоят они из трех частей: 1) обращение ко всей иерархии божеств, имеющих влияние на человека, его социальное и природное окружение; 2) основная часть, включающая все многообразие просьб к божествам; 3) благодарственное обращение к божествам в расчете на будущее исполнение желаний просителя. Также каждая молитва в заключительной части содержит извинительную формулу, произносимую молящимся в расчете на понимание божеств, если он пропустит или перепутает местами ключевые слова молитвы. Как отмечает ученый, в молитвах куриськон нашли отражение все надежды и желания крестьянина-удмурта и его представления об идеальном устройстве мира. Также они сохранили до наших дней архаичные слова и выражения удмуртского языка [Владыкин 1994, 296–298].

По мнению Л. Д. Айтугановой, удмуртские молитвы-куриськон по форме относятся к речитативным стихам, представляющим собой наиболее древний вид стихотворной организации текста. Речитативное исполнение куриськонов приближается к пению, являясь переходной формой от речи к песне [Айтуганова 1986, 43, 51]. Своеобразие ритмической организации этих молитвословий – во включении в их текст большого количества двухкомпонентных слов, «экспрессивный оттенок сложных слов служит как бы орнаментовкой в интонационном потоке молитв-куриськонов», и эта особенность возникла, видимо, в результате стремления к эмоциональной насыщенности в обращении к божеству. Ритм возникает также на основе повторов однотипных предложений и синтаксических конструкций [Айтуганова 1992, 27–28].

Глубокий музыковедческий анализ куриськонов проведен М. Г. Хрущевой, отметившей, что молитвы эти произносятся вслух в речитативной, скандированной форме: «Рецитация куриськонов – переходная стадия от сказывания к собственно мелодическому интонированию» [Хрущева 2001, 36]. Ритмическая форма куриськонов строится по схеме, в которой чередуются канонические вербальные формулы и импровизация жрецов. Они делятся на разделы, ограниченные определенными словесными формами и возгласами «аминь», которые, в свою очередь, делятся на строфы. Поэтическими приемами построения этих молитв являются повторение вербальных формул, употребление дублетных слов, а также использование эпитетов и метафор. Музыковед отмечает, что «художественный дар вöсяя [жреца, произносящего молитву. – Авт.] играл существенную роль при импровизации. И не случайно в вöсяи избирали человека, обладавшего – ко всем прочим достоинствам – ораторским искусством, образной поэтичной речью, и поэтому их художественная форма оттачивалась именно в творчестве жрецов» [Хрущева 2001, 36].

Также, по мнению фольклориста Т. Г. Владыкиной, ритуальные заклинания – *куриськон* / *вöськыл* доводятся до мастерского совершенства произносящими их жрецами [Владыкина, 1998]. Музыковед И. М. Нуриева считает, что современные куриськоны «интонируются в особой манере псалмодированного пения с достаточно скорым произнесением текста» [Нуриева 2015, 13].

В статье Р. Р. Садикова проведен историко-хронологический анализ куриськонов; показано, что с изменением образа жизни и хозяйственной деятельности молящихся происходит также трансформация этих магических текстов. Особенно четко эти изменения прослеживаются в молитвах, зафиксированных в советское время [Садиков 2011a, 132].

В данной работе представлена попытка обобщить имеющиеся сведения об истории собирания и публикации куриськонов и изучения особенностей их бытования в кон. XIX – нач. XX в., в советский период и в настоящее время у закамских удмуртов. Как уже было отмечено, в среде данной группы они продолжают активно функционировать, в то время как в других этнолокальных группах удмуртов традиционные молитвы практически утрачены.

История собирания и публикации. Запись первого фрагментированного образца удмуртской народной молитвы относится к XVIII столетию и принадлежит русскому путешественни-

ку Н. П. Рычкову [Рычков 1770, 158]. В кон. XIX – нач. XX в. был собран значительный корпус удмуртских молитв-куриськон. Записи этих фольклорных текстов в оригинале и переводе на русский язык (иногда только на русском) осуществлены и опубликованы в трудах Б. Гаврилова [Гаврилов 1880], Г. Верещагина [Верещагин, 1886; 1889], Н. Первухина [Первухин, 1888], И. Васильева [Васильев 1906] и др. Бесценные образцы этих молитв были зафиксированы на латинице и опубликованы в переводах на финский, венгерский и немецкий языки Т. Аминоффом [Aminoff 1886], Б. Мункачи [Munkácsi 1887; Volksbräuche 1952] и Ю. Вихманном [Wichmann 1893, 1901]. Практически все образцы этих фольклорных текстов были собраны среди крещеных удмуртов Вятской и Казанской губерний. 35 куриськонов, записанных Б. Мункачи, и 64 подобных текста, зафиксированных Ю. Вихманном, исполненные в исключительно точной латинской фонетической транскрипции, составляют золотой фонд удмуртского фольклора [Кельмаков 2011, 199, 212].

В 1920-е гг. фиксацию куриськонов и их публикацию продолжили удмуртские исследователи С. Т. Перевощиков [Перевощиков 1926], С. Жуйков [Жуйков 1927] и др. Ввиду невозможности в последующие годы изучать религиозные традиции, следующие по времени записи куриськонов (на магнитные ленты) выполнены только в 1970-е гг. языковедами Р. Ш. Насибуллиным и В. К. Кельмаковым в Башкирской АССР; опубликованы М. Г. Хрущевой [Насибуллин, Хрущева 1986; Хрущева 2001, 113–138], по мнению которой эти магнитофонные записи стали «своего рода сенсацией» в удмуртской фольклористике [Хрущева 2001, 26]. В 1990-е и 2000-е гг. появилось множество записей куриськонов, выполненных в том числе журналистами и краеведами (опубликованы на страницах газет и журналов). Значительная их часть принадлежит закамским удмуртам. К сожалению, до настоящего времени нет академического издания полного корпуса удмуртских народных молитв. В 2010 г. В. Е. Владыкин и С. Н. Виноградов выпустили научно-популярный сборник куриськонов, в который вошли многие произведения этого фольклорного жанра [Удмурт оскон 2010].

История собирания и публикации куриськонов у закамских удмуртов. Первый фрагмент куриськона закамских удмуртов (прошение к богине солнца *Шунды Мумы*) был записан участником академической экспедиции Н. П. Рычковым в 1770 г., когда он побывал в вотских деревнях бассейна р. Быстрый Танып в Уфимской провинции Оренбургской губ., в т.ч. в д. Бикся (ныне д. Бикзяново Бураевского р-на Республики Башкортостан). Удмуртский текст зафиксирован ученым в контексте обряда: его произносили во время «всеобщего празднества», посвященного богине солнца, т.е. моления, которое устраивали с пшеничным хлебом и кашей из ячменной крупы в день «святыя Пасхи». По словам автора, «Избрав в поле или в лесу какое ни будь чистое место, сходятся на разсвете дня все как мужеский, так и женский пол; а старший из их общества приемлет хлеб и чашу кашею наполненную в руки свои: по том все падают на колена, и смотря на солнце вопиют: Шунду Мумо, бурмата инвий буркаръ бурмата; то есть Мати Солнца, спаси от болезни детей наших. Выговорив сии *молитвы* [курсив наш. – Авт.] приклоняются лицами к земле; а после возстав ядят все вместе жертвенную пищу» [Рычков 1770, 158]. Таким образом, перед нами первое описание удмуртского моления, в ходе проведения которого проговариваются молитвы – *куриськон*. В современном написании на удмуртском языке молитва Н. П. Рычкова выглядит так: «*Шунды мумы, бурмыты, эн ви, бур кар, бурмыты*», что значит: «Мать Солнца, исцели, не убивай, будь доброй, исцели» [Поздеев 1976, 117].

Академические записи текстов куриськонов закамских удмуртов относятся к кон. XIX – нач. XX в. Венгерский лингвист Б. Мункачи в 1885 г. записал в д. Можга Бирского уезда Уфимской губ. от старика-удмурта Апсывыра начальную часть молитвы, произносимой домохозяином. Текст его в латинской транскрипции и переводе на венгерский язык опубликован в Будапеште в 1897 г. [Munkácsi 1887, 168]. Если при первой встрече с удмуртами-«язычниками» ученого постигла исследовательская неудача в сборе полевого материала*, то в годы Первой мировой войны от удмуртов-военнопленных из Уфимской и Пермской губерний, содержа-

* См. подробнее: [Munkácsi 1892, 105; Садиков, Миннихметова 2012, 52].

шихся в австро-венгерских лагерях, он собрал богатый фольклорный материал, в том числе 3 куриськона [Садилов, Миннихметова 2012, 52; Егоров, Загребин 2018, 70–73]. К сожалению, при жизни Б. Мункачи не успел издать свое собрание: тексты с транскрипцией на латинице и переводом на немецкий язык будут опубликованы стараниями его ученика Д. Р. Фокоша-Фукса только в 1952 г. в Хельсинки [Volksbräuche 1952]. Молитвенные тексты, зафиксированные венгерским ученым (*воськыл* ‘молитва’, *арня нунал зэлбариськон* ‘пятничная мольба’ от Сабырзяна Мухаярова, уроженца д. Старый Варяж, *арня нунал вöсяськон* ‘пятничное моление’ от Мардымши Мурадшина, уроженца д. Уразгильды и Ахмадши Джандусова, уроженца д. Новый Калмияр Бирского уезда Уфимской губернии) [Volksbräuche 1952, 110–114] – превосходные образцы устного народного творчества, записанные от умелых исполнителей. Все они представляют собой молитвы, произносимые домохозяевами при еженедельных семейных молениях во дворе – с первыми, испеченными с утра блинами, в святой день, которым считалась пятница.

Небольшие фрагменты молитв удмуртов Бирского и Осинского уездов, соответственно Уфимской и Пермской губ., зафиксированы финскими исследователями Ю. Вихманном (1894) [Wichmann 1954, 40–41] и У. Хольмбергом (1911) [Садилов, Хафиз 2010, 38–40] во время экспедиционной работы. Они представляют собой фрагменты обращений к божеству *Луд* и родовым божествам – *вошшуд*.

В 1926 г. удмуртский лингвист С. Жуйков в с. Большой Гондыр Сарапульской округи Уральской обл. от жителя этого села Гильмияра Гильмитдинова записал два куриськона, опубликованных в литературном журнале «Кенеш» в 1927 г. [Жуйков 1927, 71–72].

Последующие записи, по известной идеологической причине, будут осуществлены только в 1970-е гг. удмуртскими лингвистами Р. Ш. Насибуллиным, В. К. Кельмаковым и М. Г. Атамановым. Отметим, что первые два из них сделали магнитофонную запись куриськонов, впервые открыв возможности для их всестороннего изучения специалистами разных дисциплин. Поскольку изучение религиозных текстов не одобрялось, их долгое время не включали в научный оборот. Один из текстов, записанных Р. Ш. Насибуллиным (1970 г., д. Андреевка Янаульского р-на Башкирской АССР, от Миншарапа Фаридонова, 1893 г.р.), с нотной расшифровкой был опубликован в 1986 г. [Насибуллин, Хрущева 1986, 233–239]. Этот же текст, а также второй куриськон, записанный лингвистом (1970 г., д. Няняды Янаульского р-на Башкирской АССР от Шаритдина Хисамутдинова, 1895 г.р.), тоже нотированный, опубликован в 2001 г. [Хрущева 2001, 113–121]. Они представляют собой жреческие молитвословия, произносимые на сельских молениях.

Текст В. К. Кельмакова, записанный в 1971 г. от жреца Исламши Арманшина (в с. Нижний Балтач Татышлинского р-на БАССР) и представляющий собой молитву во время обряда в святилище *куала* рода *Зумъя*, до сих пор не расшифрован и не опубликован. Магнитофонная запись хранится в фонограммархиве УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, оцифрованный вариант включен в CD-диск как приложение к альманаху, посвященному закамским удмуртам [Закамские удмурты 2011], и выставлен в интернете [Летние моления]. Молитва на *Быдзынал* (Великий день) и обыкновенный *куриськон* записаны М. Г. Атамановым в 1971 г. в д. Калмияр Куединского р-на Пермской обл. от жителей деревни, жреца Зидияра Суюшева и Митрея Камидуллина, и хранятся в рукописном виде в Научно-отраслевом архиве УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН [Атаманов 1971, 33–34, 43].

Несколько качественных текстов куриськонов были опубликованы в 1990-е гг. В их числе записи жреческих молитв Л. Мукаевой (с. Нижний Балтач Татышлинского р-на РБ) [Мукаева 1992] и А. Гребинной (д. Алтаево Бураевского р-на РБ) [Гребина 1994]. В 1998 г. была осуществлена одна из первых видеозаписей процесса жертвоприношения закамских удмуртов*. Видеокамера запечатлела молитвы жреца д. Вязовка Татышлинского р-на Республики Башкортостан Хабибьяна Туктакиева. Видеоматериал опубликован в интернете [Летние моления].

* Видеозапись осуществлена Игорем Деминым, горняком, машинистом экскаватора разреза «Междуреченский» Кемеровской обл., приехавшим летом в д. Вязовка Татышлинского р-на РБ к родителям своей супруги.

Большое внимание куриськонам уделяет общественно-политическая газета удмуртов Башкортостана «Ошмес», в нескольких номерах которой они были опубликованы. Газета напечатала удмуртские молитвы, записанные от знатоков учеными, краеведами, журналистами, а также предоставленные самими жрецами [Удмурт вöськылъёс 2000; Байдуллина 2002; Вöськылъёс 2002; Ялалов 2003; Шакиров 2009]. Наибольший интерес среди них вызывают молитвы жрецов из д. Бальзюга Назипа Садриева и с. Новые Татышлы Салима Шакирова, показывающие, что они до настоящего времени сохранили свой классический канонический вид. По качеству они ничем не уступают записям кон. XIX – нач. XX вв.

Многие образцы удмуртских языческих молитв, собранных в экспедиционных условиях, были опубликованы этнографами Т. Г. Миннихметовой [Миннихметова 2000; 2003] и Р. Р. Садиковым [Садиков 2011a; 2011b]. Большое число современных молитвенных текстов записано на цифровую видеокамеру в ходе совместных с авторами этой статьи экспедиций научных сотрудников Тартуского университета по изучению современного состояния религиозных традиций закамских удмуртов в 2013–2018 гг. (операторы Л. Ниглас, Р. Садиков, Н. Анисимов, Л. Валликиви, Е. Тулуз). Классический тип куриськонов, сохранивших каноническую форму, представлен в них записями от жреца из с. Новые Татышлы Татышлинского района Раиса Рафикова. Ученые накопили также большую коллекцию рукописных куриськонов. Собранный многими поколениями исследователей корпус удмуртских молитв, представляющий разные типы и варианты, позволяет проследить их эволюцию от канонических образцов XIX в. до бытовавших в советскую эпоху и распространенных в настоящее время.

Исполнители молитв. Народные молитвы – куриськон – один из главных элементов традиционной религиозной системы закамских удмуртов, выражающих свои просьбы к божествам и духам. Произносятся они и отдельными индивидами, и главами семейств, родовыми и общинными жрецами, донося мольбы и желания отдельных людей, семей, родов, сельских обществ к верховному богу *Инмару*, его помощнику *Кылчину*, божеству земли *Му-Кылчину*, духу священной рощи *Луду*, родовым божествам – *вошиудам* и др. Естественно, в зависимости от адресанта и адресата, содержание куриськонов меняется. Их декламируют при жертвоприношениях (*вöсьяскон*) или же при обычных молениях без кровавых жертв (*куриськон*). Они варьируются от простых возгласов, произносимых в индивидуальном порядке, через короткие формы молитв домохозяев, до долгих жреческих, рецитируемых до получаса и более по времени.

В кон. XIX – нач. XX в. жизнь закамских удмуртов была пронизана проведением всевозможных жертвоприношений и молений, каждое из которых сопровождалось произнесением куриськонов. Проведение общественных молений аграрного цикла (общих сельских и межсельских молений) находилось в ведении выборных жрецов *вöсьясь* / *куриськись* ‘жрец’. Этимологически первое слово можно перевести на русский язык как «жертвователь», второе – «произноситель молитв». В их обязанности входило произнесение молитв и руководство ритуальным процессом. Жрецов избирали на сельском сходе, и к претенденту на эту должность предъявлялись особые требования: им мог стать только состоящий в браке, уважаемый в обществе мужчина старше сорока лет, разбирающийся в обрядах и знающий молитвы. Обычно вöсьяси исполняли свои обязанности до смерти, после чего выбирали нового жреца. Они проводили жертвоприношения *Инмару* и другим высшим божествам. Культ *Луда* – духа родовой священной рощи *керемет* – обслуживали *луд утись* ‘хранитель луда’: они проводили частные или общеродовые умиловительные жертвоприношения. В кон. XIX – нач. XX в. культ *керемета* в основном утрачивает родовой характер и приобретает общесельские черты. Почитанием родовых божеств-покровителей заведовали *куала утись* ‘хранитель куалы’, т.е. «хранители» родового святилища, где проводили родовые моления и жертвоприношения. Передача жреческих функций в последних двух случаях была наследственной [Садиков 2008, 57, 75, 190]. Руководителем семейных молений был домохозяин, старший в семье мужчина. «Функция эта могла быть пожизненной, условием ее выполнения было (помимо главенства в семье и сопряженного с этим сохранения физической и умственной дееспособности) наличие у жреца живой жены, как обоснование его участия в первичной и основной социальной связи – брачной»

[Напольских 2015, 414]. Главы семей совершали еженедельные пятничные моления, жертвоприношения и моления по случаю семейных торжеств (рождение, свадьба, переход в новый дом и др.), а также обряды календарного характера в семейной куале. В советские годы, когда домохозяйства утратили религиозные навыки, моления по случаю семейных торжеств стали проводить деревенские жрецы вöсьсь.

Среди закамских удмуртов сложилось особое отношение к куриськонам. Считалось, что их тексты нельзя заучивать просто так, а необходимо их «украсть» у старших жрецов, т.е. выучить их в ходе жертвоприношений, вслушиваясь в произносимые слова: *«Вöсь кылэз дышетсконо öвöl, нушкано гынэ. Сое дышетыны пичи нуныез вöзазы басьто. Со каллен пеляз поныса дыше. Огиоры дышетскыны уг зäра»** – «Молитву нельзя заучивать, ее нужно украсть. Чтобы научить им, [жрецы] брали с собой маленького ребенка. Он постепенно, вслушиваясь, научался. Просто так заучивать нельзя». Так был выработан определенный метод передачи сакрального текста. Полученная другим путем молитва не имела магической силы. Подобным образом куриськоны передавались из уст в уста последующим поколениям жрецов. Такой способ трансляции практиковался также при передаче других магических текстов. Например, если человек научился определенным заговорам и вербальным формулам, а также сопровождающим их ритуалам от стариков, которые сами их знали и практиковали, то отмечают, что *«пересьёслэсь лушкаса кельтэм кылъёсты верасько»*** – «говорю слова, украденные от стариков». Видимо, сама эта фраза усиливала сакральные свойства произносимых заклинаний.

Произносят куриськоны стоя, обратившись лицом на юг, держа на руках хлеб или чашу с другими жертвенными подношениями (мясо с бульоном, каша, монетки), облачившись в белые одежды, обязательно в шапке и подпоясанные полотенцем. В случае, если не имеется специальной ритуальной одежды, то жрецы надевают пиджак и подпоясываются. Удмурты Татышлинского р-на РБ некоторые молитвы читают коленопреклоненно и без головного убора, в частности – благодарственную молитву с жертвенными монетами (*зүгесь*). В д. Асавка Балтачевского р-на все молитвы произносят коленопреклоненно.

Куриськоны в традиционной культуре. В куриськонах, как уже отмечено, выражаются основные просьбы и желания молящегося, они демонстрируют аксиологию удмуртского крестьянина, т.е. его жизненные ценности. В кон. XIX – нач. XX в. закамские удмурты составляли крестьянское население, поэтому в их молитвах основное место занимает выпрашивание успеха и удачи в крестьянском труде. Хозяйство удмуртов Бирского и Осинского уездов основывалось на пашенном земледелии и стойловом животноводстве. В своих просьбах удмурт-крестьянин выражает желание получить хороший урожай зерна и обильный приплод скота, от чего зависела благополучная жизнь его семьи.

Как показывает анализ текстов молитв, в них приоритетны просьбы об удаче в земледелии (*егын*). Удмурт-крестьянин просит помощи божеств на каждом этапе этого тяжелого труда с непредсказуемым результатом: «Во время выхода на пахоту дай легкости плечам», «Посеянные-разбросанные хлеба с золотыми корнями уроди, с тридцатью соломинками уроди, с серебряными зернами уроди», «Когда с серпом жну, стоя на наделе, здоровья дай», «Во время вязки снопов, дай счастье идти, ставя сноп за снопом», «Во время копнения, дай счастье идти, ставя копну за копной», «Во время свозки в гумно, дай счастье ездить на запряженных в пару конях», «Дай счастье жить, имея старые скирды, верхушки которых ивой заросли, лебедой поросли, жить имея двенадцать скирд», «Во время свозки смолоченного хлеба из гумна в клети, дай счастье жить с клетями полными хлеба»*** [Садиков 2011а, 115–116] и т.д. Предпоследняя строфа показы-

* Полевые материалы авторов (далее – ПМА), 2006. Калтасинский р-н Республики Башкортостан, с. Большой Качак. Уракбаева Г. У., 1932 г.р.

** ПМА, 2016. Балтачевский р-н РБ, д. Асавка. Галиева З. В., 1974 г.р.

*** Здесь и далее как пример приводятся переводы строф куриськона, записанного Б. Мункачи от военнопленных удмуртов Мардымши Мурадшина и Ахмадши Джандусова из Бирского уезда Уфимской губ. [Volksbräuche 1952, 111–114].

вает, что для удмуртов, как земледельческого народа, мерилom богатства было количество скирд с немолоченным хлебом: чем их больше, тем богаче считался домохозяин. Также в молитвах просили: «Всем моим расплесканным-разбросанным хлебам, словно клубнике дал бы поспеть», «Сам убереги от тяжелых дождей, ветров и пожаров», «В пору выхода на пахоту и сев, сделал бы здоровыми гривастых и хвостатых», т.е. рабочих лошадей [Садиков 2011а, 115–116].

В своей молитве удмурт также просит содействия божеств в животноводстве (*пудо вордон*): «Дай счастье жить с хлебом, полным скотины, дойной коровой, овцами-козами для стрижки», «Дойную корову сделай молочно-масляной, овцу-козу для стрижки мохнатой-волосатой сам сделай» [Садиков 2011а, 115–116].

Помимо хозяйственных просьб в куриськонах выражали желание жить в достатке («Дай счастье жить с сундуками полными добра, ходить с карманами полными добра») и здравии («Дай счастье жить в здравии, принося жертвы»), молили уберечь от врагов и болезней («Убереги от врага, говорящего “съем”, убереги от врага, говорящего “возьму”, убереги от воспаляющих-загнаивающих болезней») и т.д. Своеобразный показатель времени – строка молитвы, где обращаются за помощью в уплате подати (*выт*) Великому царю: «Во время платежа податей Великому царю, сам оказывай помощь» [Садиков 2011а, 117].

Сохранившиеся тексты куриськонов кон. XIX – нач. XX в., судя по названиям и своему содержанию, были записаны от обычных домохозяев, которые воспроизводили их во дворе в каждую пятницу. Видимо, это говорит о широком распространении куриськонов в удмуртском обществе того времени, т.к. от их правильного и своевременного произнесения зависело благополучие каждого семейства. Поэтому каждый рачительный хозяин, вероятно, стремился вовремя прочитать хорошую молитву, чтобы его услышали боги и способствовали удаче в его трудах.

Бытование в советское время. Традиционный хозяйственный уклад удмуртов был разрушен в 30-е гг. XX столетия. На смену единоличным хозяйствам пришли колхозы. Эти коренные изменения не могли не отразиться на куриськонах. Домохозяину, не имевшему своего хозяйства, не было необходимости устраивать моления и просить богатого урожая. Под идеологическим влиянием атеистического государства разрушалась сама среда, в которой бытовали куриськоны: проведение религиозных обрядов постепенно перестало быть приоритетным для основной массы населения. Кроме того, в общественное сознание внедрялась мысль, что это – признак отсталости и, более того, за них можно было получить реальное наказание. Куриськоны в основном сохранялись теперь только среди жрецов в тех населенных пунктах, где продолжали проводить общественные жертвоприношения. Постепенно нарушалась традиция передачи текстов молитв из уст в уста, т.к. молодые люди не присутствовали на обрядах. Среди обывателей с течением времени они забылись.

В молитвах советской эпохи также отразились социально-экономические изменения. Если в куриськонах кон. XIX – нач. XX в. Инмара и Кылчина просят о богатом урожае хлеба, чтобы свезти его в свои клетки на пропитание своей семьи и для уплаты податей Великому царю, то в новых – чтобы удачно убрать богатый урожай в колхозные закрома (амбары) и отдать часть государству: «*Та жу-нянез умой октыса-калтыса амбаре пыртыны тйласьком и государстволы но тыриськон сётыны*» («Желаем, чтобы этот хлеб смогли хорошо убрав-прибрав, в амбар свезти и государству отдать»). [Садиков 2011а, 130]. Если раньше молились о здоровье и плодovitости скотины в своем подворье, то сейчас – о здоровье колхозной скотины и т.д.: «*Таза мед луозы озьы ик колхоз пудоёсмы но. Озьы ик калыклэн но гидьёсын таза мед луозы. Соёслы пудо сиён дасяны мед бугатозы*» («Также пусть будет здорова [наша] колхозная скотина. Также и у людей в хлебах скотина пусть будет здоровой. Пусть смогут им заготовить корма») [Садиков 2011а, 126, 128]. Таким образом, эти куриськоны отражают быт и трудовую деятельность удмуртов-колхозников. Из контекста молитв становится ясно, что к божествам обращаются старики. Они просят о здоровье молодежи (своих детей), которые самоотверженно трудятся на колхозных полях. Это наглядно демонстрирует разрушение традиции: молодежь уже не молится, а работает в поле, отходит от обрядов и обычаев предков. Недаром в одной молитве богов просят, чтобы они «сказанное старшим, пусть слушают».

Сами тексты куриськонов также подверглись изменениям. Хотя они сохранили композиционную трехчастность (обращение к божествам, просьбы, благодарность божествам), но по своему общему содержанию и лексическому составу они сильно отличаются от классических куриськонов. Во-первых, они представляют собой импровизацию жрецов, сохраняя лишь небольшую часть канонических вербальных формул. Во-вторых, подвергся сильной трансформации лексический состав молитв. Практически утрачены старинные выражения и слова, в том числе дублетные формы, которыми была пронизана вся ткань старых молитв. Включены обыденные слова, ранее не использовавшиеся в сакральных текстах, и новые слова-заимствования, отображающие новые реалии жизни: машина, колхоз, армия, служить, государство, механизатор, комбайнер и др. В-третьих, многие молитвы потеряли былую выразительность, поэтичность и ритмичность, характерные для старинных текстов [Садилов 2011а, 132].

Куриськоны в современной жизни. В постсоветское время среди закамских удмуртов начался активный процесс ревитализации общественных молений и жертвоприношений. В свою очередь это породило волну интереса к молитвам-куриськонам. К счастью, в 1990-е гг., когда началось это движение, живая традиция исполнения куриськонов еще существовала. Но жрецов, владевших искусством рецитации молитв, к тому времени остались единицы. Среди них отметим имена Миннигали Зиянгирова, 1920 г.р., из д. Асавка Балтачевского, Хабибьяна Туктакиева, 1931 г.р., из д. Вязовка, Назипа Садриева, 1930 г.р., из д. Бальзюга, Раиса Рафикова, 1948 г.р., из с. Новые Татышлы Татышлинского р-нов. «Новые» жрецы записывают от старых их куриськоны и используют в своей культовой практике: заучивают и произносят по памяти, а в большинстве случаев – читают по бумаге. Такая форма произнесения сакрального слова сегодня воспринимается естественно, даже придуманы для этого специальные приспособления [Садилов, Тулуз 2017, 106]. Некоторые из современных жрецов в своей религиозной деятельности пользуются текстами молитв, почерпнутыми со страниц газеты «Ошмес», которая активно их публикует, или из других изданий. Если в населенном пункте жреческая традиция была прервана, при возрождении молений обращаются к культовым служителям из других селений. Например, в 2014 г. возобновили жертвоприношения в д. Касиярово Бураевского р-на и организаторы обратились за помощью к вöсясю из д. Каймашабаш Янаульского р-на, который научил основным ритуалам и предоставил распечатку своей молитвы. *Куриськись* Рамай Нигаматшин, 1939 г.р., на последующих молениях воспроизводил эту молитву, хотя имел в своем распоряжении запись куриськона, оставленную своим предшественником. Текст молитвы был записан старым вöсясем деревни Тимергали Нуриевым (1905–1992) перед кончиной и передан Р. Нигаматшину с просьбой продолжить его дело. После возрождения жертвоприношений в деревне данный текст не использовался. Но в 2017 г. уже другой жрец, Реваль Фархутдинов, избранный после смерти предыдущего, восстановил «историческую справедливость»: он по записи произнес и молитву из д. Каймашабаш, и местный куриськон. Этот пример показывает, что появился и функционирует новый способ трансляции сакрального текста – письменный. Все это, на наш взгляд, свидетельствует о переходе устной традиции в письменную, книжную. Хотя, естественно, традиционный канон был бесписьменным, устным, на что указывают и сами куриськоны: «*Милям киямы курбон китан евол, олло азьлозэ берло вераськом, олло берлозэ азьло вераськом*»* – «В наших руках нет жертвенной книги, может быть, начало в конце говорим, может быть конец в начале говорим». С утратой традиции передачи куриськонов из уст в уста, изменилась и манера их исполнения. Лишь редкие жрецы рецитируют куриськоны, большинство произносят их обычным слогом, но стараются читать выразительно и громко**.

* ПМА, 2016. Татышлинский р-н Республики Башкортостан, с. Новые Татышлы. Рафиков Р. Р., 1948 г.р.

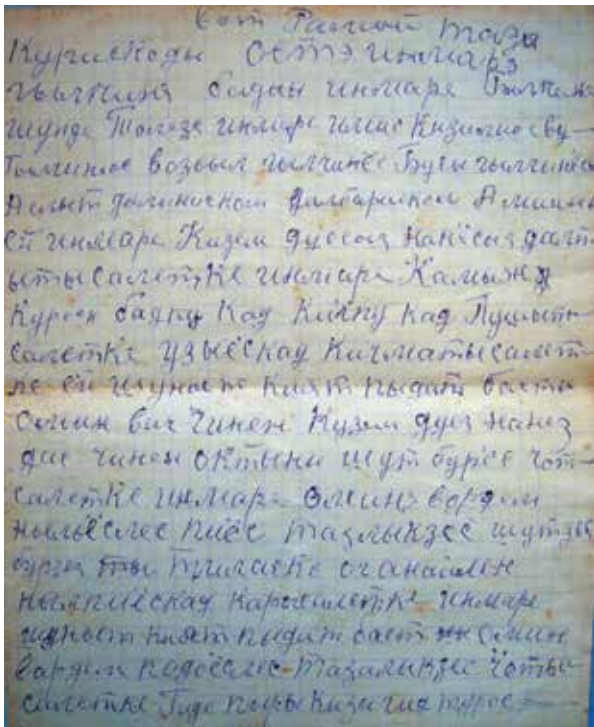
** Надо отметить, что произнесение вслух на сегодняшний день, не единственная форма исполнения куриськонов. В д. Варклед-Бодья Агрызского р-на Республики Татарстан, где также сохранилась традиция общественных жертвоприношений, вöсяси говорят их только про себя: «*Осто, Иньмаре шуыса курисько. Азьло шара вераллям, али асьсэ понна гынэ*» – «Молятся, говоря “Осто, Иньмар”. Раньше произносили вслух, сейчас только про себя говорят» (ПМА, 2016. Агрызский р-н Республики Татарстан, д. Варклед-Бодья. Кириллов Р. Н., 1953 г.р.). Про себя говорят куриськоны также в д. Кузубаево

Претерпевает изменение также внутреннее содержание молитвенных текстов. Некоторые жрецы творчески перерабатывают старые тексты и добавляют элементы, отражающие сегодняшние реалии. Поэтому новые куриськоны – плод творчества вöсьсей, но, вместе с тем, они стараются уложить свои мысли в канонические формы. Большим импровизатором является куриськись из д. Алтаево Бураевского р-на Анатолий Галиханов. В своих молитвах он, например, просит «Пусть распространится по свету об удмуртском народе только слава»; «Дай разум жить с соседними народами в мире и согласии», «Пусть никогда не будут в наших краях земельных споров и военных действий»; «Рожденным нашим детям подай здоровья, счастья, славы, успешности. Убереги от дурных людей, неверных путей, наркомании и алкоголизма». Следующие строки раскрывают сегодняшние хозяйственные заботы закамских удмуртов: «Пудо-животмы тыр мед йылоз. Бжъёсмы куинен пи мед ваёзы, скальёсмы йöло-вöё мед луозы, бакча-садъёсмы емышен, мушен мед удалтозы. Сиыны но вузаны но мед окмоз»* – «Пусть скотина наша цельной расплодится. Овцы наши тройнями пусть ягнятся, коровы наши пусть будут молочно-масляными, пусть огороды и сады обильными плодами, пчелы мёдом уродятся. Пусть самим на еду и на продажу достанутся». Сельским удмуртам эти слова вполне понятны, т.к. их благополучие во многом зависит от приусадебного хозяйства. Жрец из д. Асавка Балтачевского р-на Владимир Галиев, 1971 г.р., в своих молитвах не только просит Инмара о чем-то, но и благодарит его за благоденствие.

Таким образом, современные материалы показывают, что молитвы куриськон продолжают свою жизнь как одна из главных составляющих религиозной практики закамских удмуртов. В них отражаются современные реалии и жизненный уклад сельских жителей.

Рукопись молитвы-куриськон вöсься из д. Касиярово Бураевского р-на РБ Темиргали Нуриева, написанная в 1990-е гг. Фото Р. Р. Садикова. 2010 г.

Алнашского р-на Удмуртской Республики. Среди закамских удмуртов подобная форма бытования куриськонов зафиксирована только в д. Вотская Ошья Янаульского р-на РБ. Местный луд утись во время жертвоприношения в священной роще в 2015 г. молитвы не произносил громко, а только еле слышно выговаривал про себя. В беседе он отметил, что «Куриськемез адями кылыны кулэ öвöл» – «Люди не должны услышать молитву» (ПМА, 2015. Янаульский р-н Республики Башкортостан, д. Вотская Ошья. Кисаметов Р. М., 1973 г.р.).

* ПМА, 2016. Бураевский р-н Республики Башкортостан, д. Алтаево. Галиханов А. Ш., 1962 г.р.

Жрец вѡсясь из д. Бальзюга Татышлинского р-на РБ Назип Садриев в ритуальной одежде шортдэрем. Фото Р. Р. Садилова. 2017 г.

Коленопреклоненные жрецы произносят молитву на мѡр вѡсь. С. Новые Татышлы Татышлинского р-на РБ. Фото Р. Р. Садилова. 2013 г.

Жрецы на молении элен вѡсь. С. Кирга Куединского р-на Пермского края. Фото Р. Р. Садилова. 2013 г.

Жрец из д. Уразгильды Татышлинского района РБ с приспособлением для чтения молитвы.
Фото Е. Тулуз. 2014 г.

Произнесение молитвы на куала куриськон (моление в куале). Д. Алтаево Бураевского р-на РБ.
Фото Р. Р. Садикова. 2018 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Айтуганова Л. Д.* Ритмические особенности удмуртского народного речитативного стиха // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы. Устинов, 1986. С. 41–52.
- Айтуганова Л. Д.* Удмуртское стихосложение: вопросы формирования и развития. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1992. 152 с.
- Атаманов М. Г.* Полевая тетрадь этнографической экспедиции института в Пермскую и Кировскую области. 1971 // НОА УДИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Оп. 2-Н. Д. 439. Л. 43. 100 л.
- Байдуллина А.* Вукогурт вӧсь // Ошмес. 2002. 20 июнь.
- Вӧськылъёс* // Ошмес. 2002. 6 июнь.
- Васильев И.* Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1906. 88 с.
- Верещагин Г.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 14. Вып. 3. СПб., 1889. 195 с.
- Верещагин Г.* Вотяки Сосновского края // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 14. Вып. 2. СПб., 1886. 218 с.
- Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
- Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998. 356 с.
- Гаврилов Б.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880. 189 с.
- Гребина А.* Бадӟым вӧсь // Кенеш. 1994. № 12. 49–51 б.
- Егоров А. В., Загребин А. Е.* Бернат Мункачи, война, мир и финно-угорские исследования // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. Вып. 4. С. 65–79.
- Жуйков С.* Удмурт'ёслэн бадӟым вӧсьсы // Кенеш. 1927. № 7–8. 71–72 б.
- Authentic geography.* Вып. 3. Закамские удмурты. Ижевск, 2012. 144 с.
- Кельмаков В. К.* Вехи удмуртского языковедения. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 518 с.
- Летние моления закамских удмуртов // Культура.РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.culture.ru/objects/2801/letnie-moleniya-zakamskikh-udmurto> (дата обращения 14.05. 2018).
- Марийцы.* Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2013. 482 с.
- Миннияхметова Т. Г.* Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск, 2000. 168 с.
- Миннияхметова Т. Г.* Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор. *Dissertationes Folkloristicae Universitatis Tartuensis.* Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003. 256 с.
- Мокшин Н. Ф.* Религиозные верования мордвы. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1998. 248 с.
- Мукаева Л.* Мӧр вӧсь // Удмурт дунне. 1992. 29 май.
- Напольских В. В.* Очерки по этнической истории. Казань, 2015. 645 с.
- Насибуллин Р. Ш., Хрущева М. Г.* О некоторых особенностях удмуртских куриськонов // Музыка в обрядах и трудовой деятельности финно-угров. Таллин: Ээсти Раамат, 1986. С. 229–243.
- Никитина Г. А.* Сельская община бускель в пореформенный период (1861–1900 гг.). Ижевск, 1993. 160 с.
- Нуриева И. М.* Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: Автореф. дисс. доктора искусствоведения. М., 2015. 37 с.
- Первухин Н.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III. Следы языческой древности в образцах произведений устной народной поэзии вотяков (лирических и дидактических). Вятка, 1888. 82 с.
- Перевоицков С. Т.* Вотские молитвы // Труды Научного общества по изучению Вотского края. Вып. 2. Ижевск, 1926. С. 82–83.
- Поздеев П. К.* Удмуртские фольклористические сведения и материалы в письменных источниках XVIII века // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976. С. 116–119.
- Рычков Н. П.* Журнал, или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году. СПб., 1770. 189 с.
- Садиков Р. Р.* Молитвы-куриськон закамских удмуртов (модернизация культуры – трансформация текста) // Традиционная культура народов Урало-Поволжья в условиях модернизации общества: Сб. статей. Уфа, 2011. С. 109–133.
- Садиков Р. Р.* Религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (сохранение и преемственность традиции): Диссертация доктора ист. наук. Ижевск, 2011. 465 с.

Садиков Р. Р. Традиционные религиозные верования и обрядность закамских удмуртов (история и современные тенденции развития). Уфа, 2008. 232 с.

Садиков Р. Р., Миннихметова Т. Г. Зарубежные исследователи этнографии, фольклора и языка закамских удмуртов: историографический очерк // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 4. С. 49–62.

Садиков Р. Р., Тулуз Е. Преемственность и ревитализация в обрядах общественных жертвоприношений у закамских удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. № 4. С. 97–114.

Садиков Р. Р., Хафиз К. Х. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга). Уфа, 2010. 100 с.

Салмин А. К. Вербальный религиозно-обрядовый текст // Этнология религии чувашей. Вып. 1. Чебоксары, 2003. С. 85–112.

Удмурт вöськыльёс-куриськонъёс // Ошмес. 2000. 18 май.

Удмурт оскон. Вашкала куриськонъёс, вöсьясконъёс, статьяос. Удмуртская вера. Древние молитвы-заклинания, статьи / Сост. В. Е. Владыкин, С. Н. Виноградов. Ижевск: Удмуртия, 2010. 200 с.

Хрущева М. Удмуртская обрядовая песенность. М.: Композитор, 2001. 248 с.

Шакиров С. Вöсьлэн радлыкес но Мör вöсь // Ошмес. 2009. 16 апрель.

Ялалов Ш. Шулдыр вöй дыре // Ошмес. 2003. 27 февраль.

Aminoff T. G. Wotjakalaisia kielinäytteitä // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1886. Vol. 1. Pp. 32–55.

Munkácsi B. A wotjakok közt // Ethnographia. A Magyarországi Néprajzi Társaság értesítője. 1892. № 2. Ol. 93–108.

Munkácsi B. Wotják népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887. 335 p.

Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki, 1952. 715 p.

Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Helsingfors, 1901. 134 p.

Wichmann Y. Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Turku, 1954. 167 p.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche. Helsingfors, 1893. 200 p.

Поступила в редакцию 19.10.2018

Садиков Ранус Рафикович,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник,
Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева,
Уфимский федеральный исследовательский научный центр РАН
450077, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6
e-mail: kissapi@mail.ru

Тулуз Ева,

доктор философии, профессор,
Институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж
Научный сотрудник кафедры этнологии, Тартуский университет
65, rue des Grands Moulins, 75013, Париж, Франция
e-mail: evatoulouze@gmail.com

R. R. Sadikov, E. Toulouze

Prayers – *kuris'kon* of the Eastern Udmurts: history of study, traditional forms, modern existence

This article examines from an ethnographic point of view Udmurt traditional prayers found among the Eastern Udmurt who live in Bashkortostan and in the krai of Perm. These Udmurt have retained their traditional beliefs and rituals. We study the history of their collection and study, the traditional forms and their use throughout the Soviet period and today. We show that these texts preserve their sacred status and are one of the main elements of the Eastern Udmurt's religious practice. They are creatively elaborated by the priests, transliterated, and they reflect the contemporary realities and economic concerns of the rural Udmurt.

Keywords: prayers, traditional religion, sacrificial priests, Udmurt, Bashkortostan, krai of Perm.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 1, pp. 85–100. In Russian.

REFERENCES

- Aituganova L. D.** Ritmicheskie osobennosti udmurtskogo narodnogo rechitativnogo stikha [Rhythmic features of the Udmurt folk recitative verse]. *Problemy epicheskoi traditsii udmurtskogo fol'klor a i literatury* [Problems of the epic tradition of Udmurt folklore and literature]. Ustinov, 1986. Pp. 41–52. In Russian.
- Aituganova L. D.** *Udmurtskoe stikhoslozhenie: voprosy formirovaniya i razvitiya* [Udmurt versification: issues of formation and development]. Izhevsk, UIIYaL UrO AN SSSR, 1992. 152 p. In Russian.
- Atamanov M. G.** Polevaya tetrad' etnograficheskoi ekspeditsii instituta v Permskuyu i Kirovskuyu oblasti. 1971 [Field notebook of the ethnographic expedition of the Institute in the Perm and Kirov Oblasts. 1971]. *NOA UIIYaL UdmFITs UrO RAN. Rukopisnyi fond. Op. 2-N. D. 439. L. 43. 100 l.* In Russian.
- Baidullina A.** Vukogurt vös' [Sacrifice in Vukogurth]. *Oshmes*, 2002, 20 iyun'. In Udmurt.
- Vös'kyl'es [Prayers]. *Oshmes*, 2002, 6 iyun'. In Udmurt.
- Vasil'ev I.** *Obozrenie yazycheskikh obryadov, sueverii i verovanii votyakov Kazanskoi i Vyatskoi gubernii* [Review of pagan rituals, superstitions and beliefs of the Votyaks of the Kazan and Vyatka Governorates]. Kazan', Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta, 1906. 88 p. In Russian.
- Vereshchagin G.** Votyaki Sarapul'skogo uezda Vyatskoi gubernii [Votyaks of Sarapul Uyezd in Vyatka province]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the separation of ethnography]. T. 14, vyp. 3, SPb., 1889. 195 p. In Russian.
- Vereshchagin G.** Votyaki Sosnovskogo kraja [Votyaks of Sosnovskiy Krai]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the separation of ethnography]. T. 14, vyp. 2. SPb., 1886. 218 p. In Russian.
- Vladykin V. E.** *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and mythological picture of the Udmurt world]. Izhevsk, Udmurtiya, 1994. 384 p. In Russian.
- Vladykina T. G.** *Udmurtskii fol'klor: problemy zhanrovoy evolyutsii i sistematiki* [Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematics]. Izhevsk, 1998. 356 p. In Russian.
- Gavrilov B.** *Proizvedeniya narodnoi slovesnosti, obryady i pover'ya votyakov Kazanskoi i Vyatskoi gubernii* [Works of folk literature, rituals and beliefs of the Votyaks of the Kazan and Vyatka Governorates]. Kazan', 1880. 189 p. In Russian.
- Grebina A.** Badžym vös' [Great sacrifice]. *Kenesh*, 1994, no. 12, pp. 49–51. In Udmurt.
- Yegorov A. V., Zagrebin A. Ye.** Bernat Munkachi, voina, mir i finno-ugorskie issledovaniya [Bernát Munkácsi, War, Peace and the Finno-Ugric Studies]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2018. vol. 12, issue 4, pp. 65–79. In Russian.
- Zhuikov S.** Udmurt'eslen badžym vös'sy [Great sacrifice of Udmurts]. *Kenesh*, 1927, no. 7–8, pp. 71–72. In Udmurt.
- Authentic geography. Vyp. 3. Zakamskie udmurty* [Authentic geography. Vol. 3. Zakamie Udmurts]. Izhevsk, 2012. 144 p. In Russian.
- Kel'makov V. K.** *Vekhi udmurtskogo yazykovedeniya* [Milestones of Udmurt linguistics]. Izhevsk, Udmurtskii universitet, 2011. 518 p. In Russian.
- Letnie moleniya zakamskikh udmurtov* [Summer prayers of Zakamie Udmurts]. Kul'tura.RF [Elektronnyi resurs]. URL: <https://www.culture.ru/objects/2801/letnie-moleniya-zakamskikh-udmurto> (accessed 14.05.2018). In Russian.
- Mariitsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Mari. Historical and ethnographic essays]. Ioshkar-Ola, 2013. 482 p. In Russian.
- Minniyakhmetova T. G.** *Kalendarnye obryady zakamskikh udmurtov* [Calendar rites of the Zakamie Udmurts]. Izhevsk, 2000. 168 p. In Russian.
- Minniyakhmetova T. G.** Traditsionnye obryady zakamskikh udmurtov: Struktura. Semantika. Fol'klor [Traditional rites of the Zakamie Udmurts: Structure. Semantics. Folklore]. *Dissertationes Folkloristicae Universitatis Tartuensis*. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2003. 256 p. In Russian.
- Mokshin N. F.** *Religioznye verovaniya mordvy* [Religious beliefs of Mordovians]. Saransk, Mordovskoe kn. izd-vo, 1998. 248 p. In Russian.
- Mukaeva L.** Mör vös' [Community prayer]. *Udmurt dunne*, 1992, 29 mai. In Udmurt.
- Napol'skikh V. V.** *Ocherki po etnicheskoi istorii* [Essays on ethnic history]. Kazan', 2015. 645 p. In Russian.
- Nasibullin R. Sh., Khrushcheva M. G.** O nekotorykh osobennostyakh udmurtskikh kuris'konov [On some features of Udmurt kurishkon]. *Muzyka v obryadakh i trudovoi deyatel'nosti finno-ugrov* [Music in the rites and work of Finno-Ugrians]. Tallin, Eesti Raamat, 1986. Pp. 229–243. In Russian.

Nikitina G. A. *Sel'skaya obshchina buskel' v poreformennyi period (1861–1900 gg.)* [The rural community of Busquel in the post-Reform period (1861–1900)]. Izhevsk, 1993. 160 s. In Russian.

Nurieva I. M. *Udmurtskaya muzykal'no-pesennaya traditsiya: spetsifika zhanroobrazovaniya i funktsionirovaniya* [Udmurt Music and Song Tradition: Specificity of Genre Formation and Functioning]: Avtoref. diss. doktora iskusstvovedeniya. M., 2015. 37 p. In Russian.

Pervukhin N. *Eskizy predanii i byta inorodtsev Glazovskogo uezda. Eskiz III. Sledy yazycheskoi drevnosti v obraztsakh proizvedenii ustnoi narodnoi poezii votyakov (liricheskikh i didakticheskikh)* [Sketches of legends and life of foreigners in Glazov Uyezd. Sketch III. Traces of pagan antiquity in the samples of works of oral folk poetry of the Votyaks (lyrical and didactic)]. Vyatka, 1888. 82 p. In Russian.

Perevoshchikov S. T. *Votskie molitvy* [Votyak prayers]. *Trudy Nauchnogo obshchestva po izucheniyu Votskogo kraya* [Proceedings of the Scientific Society for the Study of the Votyak Territory]. Vyp. 2. Izhevsk, 1926. Pp. 82–83. In Russian.

Pozdeev P. K. *Udmurtskie fol'kloristicheskie svedeniya i materialy v pis'mennykh istochnikakh XVIII veka* [Udmurt Folkloristic Information and Materials in Written Sources of the 18th Century]. *200 let udmurtskoi pis'mennosti* [200 years of Udmurt writing]. Izhevsk, 1976. Pp. 116–119. In Russian.

Rychkov N. P. *Zhurnal, ili dnevnye zapiski puteshestviya kapitana Rychkova po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva v 1769 i 1770 godu* [The journal, or the daily notes of Captain Rychkov's travels to different provinces of the Russian state in 1769 and 1770]. SPb., 1770. 189 p. In Russian.

Sadikov R. R. *Molitvy-kuris'kon zakamskikh udmurtov (modernizatsiya kul'tury – transformatsiya teksta)* [Prayers of the Zakamie Udmurts (modernization of culture – transformation of the text)]. *Traditsionnaya kul'tura narodov Uralo-Povolzh'ya v usloviyakh modernizatsii obshchestva. Sb. statei* [Traditional culture of the peoples of the Urals-Volga region in the context of modernizing society. Collection of articles]. Ufa, 2011. Pp. 109–133. In Russian.

Sadikov R. R. *Religioznye verovaniya i obryadnost' zakamskikh udmurtov (sokhranenie i preemstvennost' traditsii)* [Religious beliefs and rites of the Zakamie Udmurts (preservation and continuity of tradition)]: Dissertatsiya doktora ist. nauk. Izhevsk, 2011. 465 p. In Russian.

Sadikov R. R. *Traditsionnye religioznye verovaniya i obryadnost' zakamskikh udmurtov (istoriya i sovremennye tendentsii razvitiya)* [Traditional religious beliefs and rites of the Zakamie Udmurts (history and modern trends of development)]. Ufa, 2008. 232 p. In Russian.

Sadikov R. R., Minniyakhmetova T. G. *Zarubezhnye issledovateli etnografii, fol'klora i yazyka zakamskikh udmurtov: istoriograficheskii ocherk* [Foreign researchers of ethnography, folklore and language of the Zakamie Udmurts: a historiographical sketch]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2012, no. 4, pp. 49–62. In Russian.

Sadikov R. R., Tuluz E. *Preemstvennost' i revitalizatsiya v obryadakh obshchestvennykh zhertvoprinoshenii u zakamskikh udmurtov* [Continuity and revitalization in the rituals of social sacrifices in Zakamie Udmurts]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2017, no. 4, pp. 97–114. In Russian.

Sadikov R. R., Khafiz K. Kh. *Religioznye verovaniya i obryady udmurtov Permskoi i Ufimskoi gubernii v nachale XX veka (ekspeditsionnye materialy Uno Khol'mberga)* [Religious beliefs and ceremonies of the Udmurts of the Perm and Ufa provinces in the beginning of the XX century (expeditionary materials of Uno Holmberg)]. Ufa, 2010. 100 p. In Russian.

Salmin A. K. *Verbal'nyi religiozno-obryadovyi tekst* [Verbal religious ritual text]. *Etnologiya religii chuvashskoi* [Ethnology of the Chuvash religion]. Vyp. 1. Cheboksary, 2003. Pp. 85–112. In Russian.

Udmurt vös'kyl'es-kuris'kon'es [Udmurt Prayers]. *Oshmes*, 2000, 18 mai. In Udmurt.

Udmurt oskon. Vashkala kuris'kon'es, vösyas'kon'es, stat'yaos. Udmurtskaya vera. *Drevnie molitvy-zaklinaniya, stat'i* [Udmurt faith. Ancient prayer-spells, articles]. Sost. V. E. Vladykin, S. N. Vinogradov. Izhevsk, Udmurtiya, 2010. 200 p. In Udmurt, in Russian.

Khrushcheva M. *Udmurtskaya obryadovaya pesennost'* [Udmurt ritual singing]. Moscow, Kompozitor, 2001. 248 p. In Russian.

Shakirov S. *Vös'len radlykez no Mör vös'* [The order of sacrifice and community prayer]. *Oshmes*, 2009, 16 april'. In Udmurt.

Yalalov Sh. *Shuldyr vöi dyre* [Cheerful Carnival]. *Oshmes*, 2003, 27 fevral'. In Udmurt.

Aminoff T. G. *Wotjakalaisia kielinäyteitä. Journal de la Société Finno-Ougrienne.* 1886. Vol. 1. Pp. 32–55. In German.

Munkácsi B. *A votjákok közt. Ethnographia. A Magyarországi Néprajzi Társaság értesítője.* 1892, no. 2, pp. 93–108. In Hungarian.

- Munkácsi B.** *Votják népköltészeti hagyományok*. Budapest, 1887. 335 p. In Hungarian.
Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhárd Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Helsinki, 1952. 715 p. In German.
- Wichmann Y.** *Wotjakische Chrestomathie mit Glossar*. Helsingfors, 1901. 134 p. In German.
- Wichmann Y.** *Wotjakische Chrestomathie mit Glossar*. Turku, 1954. 167 p. In German.
- Wichmann Y.** *Wotjakische Sprachproben. I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche*. Helsingfors, 1893. 200 p. In German.

Received 19.10.2018

Sadikov Ranus Rafikovich,

Doctor of Science (History), Leading Research Associate,
R. G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies,
Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
6, ul. K. Marksa, Ufa, 450077, Russian Federation
e-mail: kissapi@mail.ru

Eva Toulouze,

PhD hab., professor
Institute of Eastern Languages and Cultures (INALCO), Paris
Researcher at the chair of Ethnology, University of Tartu,
65, rue des Grands Moulins, 53013 Paris, France
e-mail: evatoulouze@gmail.com